

СНИЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ПОСРЕДСТВОМ ВОЛОНТЕРСКОЙ РАБОТЫ С БЕЖЕНЦАМИ

О. В. Ковальчук,
*кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной работы, НИУ «БелГУ»*

К. Ю. Королева,
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социальной работы, НИУ «БелГУ»*

Современные социальные и экономические процессы обуславливают передачу части полномочий от государственных институтов социальной защиты населения негосударственным субъектам. Одним из актуальных на сегодняшний день направлений взаимодействия государства, бизнес-структур и общественных объединений является помощь беженцам. Очевидно, что вынужденная миграция представляет собой не просто механические передвижения людей, а сложные процессы, затрагивающие многие стороны социальной, экономической, общественной, политической, этнической, нравственной, психологической, религиозно-духовной жизни людей, способствуя возникновению ряда социальных рисков, преодоление и предупреждение которых становится «горячим» направлением социальной политики и социальной работы.

Согласно официальным данным УФМС России, на конец августа на территории станы находятся 733 тыс. граждан Украины, прибывших в Российскую Федерацию в связи с ситуацией на Украине. С ходатайством о признании беженцем и за получением временного убежища обратились 78 тыс. человек, 66 из 85 субъектов всех федеральных округов России разместили беженцев из юго-восточных районов Украины в пунктах временного размещения. В настоящий момент в пунктах временного размещения в различных регионах России находятся порядка 52 тыс. человек [1].

Государство в условиях интенсификации миграционных потоков не может самостоятельно обеспечить всей необходимой поддержкой прибывающее население, а граждане России принимают посильное участие в судьбе беженцев, оказывая натуральную помощь, предоставляя жилье. Это обуславливает масштабное развитие такой деятельности, как волонтерство, которая строится прежде всего на принципе толерантности.

Волонтером принято называть добровольца, участвующего в решении социально значимых проблем в форме безвозмездного труда. Волонтерство как добровольческая деятельность основано на идеях бескорыстного служения гуманным идеалам человечества, без целей извлечения прибыли, получения оплаты или карьерного роста. Оказание помощи другим людям, безвозмездная работа волонтера обретает разнообразие формы: это не только пожертвование личным временем, физический труд, но и любая другая деятельность, основой которой является его человеческие и социальные ресурсы, направленные на благо нуждающихся в посторонней помощи людей [2]. Волонтерская деятельность имеет глубокие нравственные корни: принципы альтруизма, сострадания, помощи ближнему, разделения трудностей и испытаний с людьми, попавшими в тяжелые жизненные обстоятельства, лежащие в основе добровольчества, созвучны как религиозным доктринам, так и нормам светской морали.

В статье 3 Декларации принципов толерантности Юнеско говорится о том, что «особое внимание следует уделять социально наименее защищенным группам, находящимся в неблагоприятных социальных или экономических условиях, с тем чтобы предоставить им правовую и социальную защиту, в частности в отношении жилья, занятости и охраны здоровья, обеспечить уважение самобытности их культуры и ценностей и содействовать, в особенности посредством образования, их социальному и профессиональному росту и интеграции» [1]. Именно поэтому исследования феномена

толерантности применительно к сфере волонтерской работы с беженцами приобретают особую остроту и практическую значимость.

Толерантность представляет собой многогранный социальный и культурный феномен, структурные и ценностно-смысловые компоненты которого формируются и трансформируются под влиянием конкретных исторических, социально-экономических и политических условий. Вызовы современности, характеризующиеся обострением вопросов глобального экономического неравенства, ожесточением борьбы за сферы влияния и ресурсы, интенсивными миграционными потоками, провоцируют новые очаги социальной напряженности, экстремизма в широком смысле слова и порождают новые социальные проблемы, которые люди не могут решить без внешней помощи. Они показывают нам, как далеки декларативные призывы к проявлению толерантности от реальных условий жизнедеятельности и насколько разнятся смыслы, вкладываемые участниками социальных взаимодействий, в данный термин.

Все это в очередной раз подталкивает ученых и политиков к переосмыслению идей уважения человеческого достоинства, социальной ответственности, открытости, к конвенциональному принятию и институционализации принципов толерантности на различных уровнях. Динамично меняющаяся социальная реальность не позволяет выработать общую концептуальную модель толерантности, по-прежнему можно наблюдать две основные стратегии изучения толерантности: как *поведенческой диспозиции* - активный диалог, горизонтальные солидарности, понимание и принятие многообразия, как свобода самовыражения и действия, как воспитание умения жить в согласии с собой и другими, и как *гарантированного правопорядка* – ценность и норма гражданского общества, право быть иным, проявление активной гражданской позиции (цивильности) как уважения и нацеленность на предотвращение конфликтов [11]. Объединяющей идеей для обеих стратегий исследования является понимание того, что толерантность как социокультурный феномен предполагает наличие в обществе согласованного идейного и ценностно-нормативного ядра – «доминирующего культурного кода», применяя терминологию П. Бурдьё, символической системы координат действия, которая обеспечивает непротиворечивость институциональных ценностей, лежащих в основе деятельности различных социальных институтов общества. Именно эта символическая система позволяет социальным субъектам находить легитимные с точки зрения формальных и неформальных норм способы достигать свои цели, не нарушая права и не ограничивая своим поведением свободу других людей.

В процессе повседневной активности индивиды на основе знаний, опыта, интуиции переживают окружающий мир, культуру, и этот редуцированный в сознании, сконструированный интерсубъективный мир является основой для взаимного понимания, взаимодействия индивидов [15]. Связь между социальными институтами и легитимирующей символической системой конструирует институциональный порядок посредством когнитивно-нормативного комплекса – упорядоченной совокупности всех индивидуальных знаний об окружающей действительности, правил, ценностей, установок, верований, способствует его сохранению и трансляции, через подтверждение в символах и деятельности [5]. Символическая матрица значений накладывается на индивидуальные представления и практики в процессе интернализации – усвоения, объективирования социального опыта, и результируется в формировании типизированной ролевой системы. В процессе индивидуальной деятельности через взаимодействие с социальной средой формируется субъективная реальность – база построения социальной идентичности, которая, в конечном счете, и задает координаты социальной активности индивида, определяет его адаптивные возможности и жизненные стратегии, отношения с другими [5].

Реальность плюралистична, т.е. одновременно сосуществуют несколько символических подсистем, и в открытом обществе индивид сам выбирает «поле» своей игры, имея возможность регулировать степень оказываемого на него давления. Отечественные и зарубежные исследования показывают, чем стабильнее и благополучнее общество в

социально-экономических аспектах, тем сильнее желание поддерживать существующий баланс интересов, избегать конфликтов. Справедливы и обратные тенденции: отсутствие разделяемого большинством ценностного ядра, четких и понятных всем правил игры приводит к росту нетерпимости [7; 11; 12; 14]. Вариативность ценностно-нормативных систем в российском обществе, как справедливо отмечают многие исследователи, во многом является следствием радикальных социально-экономических и политических трансформаций 90х годов и последующего кризисного реформирования: изменение социальных групп, распад традиционных каналов социальной мобильности, нарастание имущественной дифференциации, модификация оснований выстраивания собственной идентичности привели к разрушению привычных социальных связей и отношений, нивелированию культурных ценностей солидарности. Социальные конфликты современности, являющиеся отголосками системного кризиса, вызваны дезинтеграцией российского общества, характеризуются размыванием ценностных ориентиров и тотальным падением доверия общественным институтам.

Толерантность в сфере оказания социальной помощи обретает как формы гарантированного правопорядка, основанные на реализации международных нормативно-правовых актов о правах человека, так и проявляется на уровне поведенческих диспозиций субъектов социальной работы. Так, Конституция Российской Федерации говорит о том, что в нашей стране право человека на жизнь реализуется через ряд мер по охране здоровья и труда, государственную поддержку семьи и детства, социально уязвимых категорий граждан и лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию. В данном ключе толерантность выступает имманентным свойством социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, п. 1)» [2]. Создание гармоничного солидарного сообщества возможно только там, где предоставляются равные стартовые возможности для всех граждан, и социальные гарантии дают свободу от нищеты. Именно эти условия и должна в идеале обеспечить система социальной защиты.

Равенство условий доступа к социальным услугам является важной характеристикой эффективности системы социальной защиты, «социальное обслуживание основывается на соблюдении прав человека и уважении достоинства личности, носит гуманный характер и не допускает унижения чести и достоинства человека» [3]. Однако ограниченные ресурсы не позволяют реализовывать заявленные меры социальной защиты в полной мере, поэтому сегодня важную роль играет развитие социальных сетей и горизонтальной кооперации в решении проблем социально уязвимых категорий граждан.

Мы уже наблюдаем постепенный отказ от доминирования государства в системе социальной защиты населения во всех ее формах (социальная помощь, социальное обеспечение, социальное страхование) в направлении диверсификации субъектов с передачей полномочий многочисленным негосударственным, общественным, частным, добровольческим образованиям. Подобная тенденция характерна для всех стран и объясняется тем, что неформальные сети гибче и динамичнее реагируют на разнообразные и зачастую специфичные социальные противоречия, по сравнению с формальными государственными структурами, а также расширяют возможности индивидуального выбора стратегии преодоления кризисных ситуаций. С одной стороны включенность в разветвленные горизонтальные связи и кооперация, активная гражданская позиция, волонтерская деятельность расширяют доступ граждан к различным ресурсам, увеличивают их конвертацию, с другой, запускаются механизмы взаимозависимости на уровне повседневных практик, которые побуждают людей действовать согласовано [9]. И в этом контексте толерантность выступает уже не как ценность или добродетель, но как способ выстраивания социальных отношений [12, с. 98-112] и обретает конкретное практическое значение в сфере социальной работы. Оказание добровольной, бескорыстной и безвозмездной помощи другим людям является практикой солидарности и содействует формированию толерантного отношения к проявлениям отличительного. Таким образом,

общественные, волонтерские организации, действующие в сфере социальной работы решают как непосредственные задачи по оказанию необходимой помощи нуждающимся в ней людям, так и содействуют интеграции общества.

Литература

1. Официальный сайт ФМС РФ [Электронный ресурс] // Сайт ФМС РФ. URL http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=99838 (дата обращения: 12.08.2015).
2. Декларации принципов толерантности Юнеско (принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года) [Электронный ресурс] // Сайт Юнеско. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 12.08.2015).
3. Конституция РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 12.08.2015)*.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Российской Газеты. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/socialka-dok.html> (дата обращения: 12.08.2015).
5. Профессионально-этический кодекс социального работника России [Электронный ресурс]. URL: <http://belsoc.narod.ru/socrab.html> (дата обращения: 12.08.2015).
6. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
7. Галкин, А.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации / А.А. Галкин, Ю.А. Красин // Социологические исследования. – 2003. – №8. – С. 64-74.
8. Могилевич, Б.Р. Толерантность в контексте межкультурной коммуникации / Б.Р. Могилевич // Психология и экономика. – 2009. – Т. 2. – №2. – С. 129-131.
9. Победа, Н.А. Толерантность: содержательные смыслы и социологическая интерпретация / Н.А. Победа // Социологические исследования. – 2007. – №6. – С. 13-28.
10. Сикорская, Л.Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы / Л.Е. Сикорская // Социологические исследования. – 2007. – №9. – С. 52-58.
11. Соколов, В.М. Толерантность: состояние и тенденции / В.М. Соколов // Социологические исследования. – 2003. – №8. – С. 54-63.
12. Хабермас, Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий / Ю. Хабермас // Социологические исследования. – 2006. – №1. – С. 45-53.
13. Хомяков, М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность / М.Б. Хомяков // Журнал социологии, социальной антропологии. – 2003. – Том. IV. – №4. – С. 98-112.
14. Шереги, Ф.Э. Этническая и религиозная толерантность молодежи / Ф.Э. Шереги // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – №4(98). – С. 20-39.
15. Шипилов, А.В. Демократия и толерантность / А.В. Шипилов // Социологические исследования. – 2005. – №3. – С. 38-44.
16. Щюц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / А. Щюц; Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 481-496.